

но в любом случае решал этот вопрос «мир». Семейный надел состоял из отдельных полос, часто далеко отстоявших одна от другой. Общинные поля делили сначала на несколько больших кусков — по качеству и отдаленности от селения, а потом в каждом куске нарезали землю по хозяйствам. Об уровне аграрных технологий говорит тот факт, что почти треть хозяйств были безлошадными, столько же имели одну лошадь.

Но так видели дело лишь специалисты. Сами крестьяне и «общество» корень зла усматривали в малоземелье. А между тем Россия являлась самой редконаселенной страной в Европе: в Европейской России лишь четверть хозяйств имели меньше 5 десятин (1 десятина — 1,09 га), в то время как во Франции и в Германии таких хозяйств было примерно три четверти, а в Бельгии — даже 90%. Большею частью из 240 миллионов десятин земли, пригодной для сельского хозяйства, распоряжались крестьяне: примерно 140 миллионов десятин входили в состав их наделов и еще около 25 миллионов были крестьянами куплены, то есть являлись их частной собственностью. Только 53 миллиона десятин (22%) приходилось на дворянские поместья, остальными владели купцы, мещане и торгово-промышленные компании.

Однако за сорок лет после 1861 года земледельческое население Европейской России увеличилось с 50 до 86 миллионов человек, из-за чего надел на душу сократился на 42% (с 4,8 до 2,8 десятины), а средняя урожайность наделных земель выросла лишь на 30%, достигнув 39 пудов с десятины — на 15—20% ниже, чем в соседних частных хозяйствах, и в 3—4 раза ниже, чем в Европе.

В Думе столкнулись два варианта решения земельной проблемы. Трудовикам была ближе позиция эсеров, требовавших изъятия всей земли из частной собственности, передачи ее в общенародное достояние и распределения между земледельцами по трудовой норме. Для помещиков и прочих частных собственников это означало конфискацию земли. Кадеты решительно выступали против обобществления. Взамен они предлагали частичное (до 60%) отчуждение помещичьей земли в пользу крестьян, но не бесплатно, а «по справедливой оценке».

Одним из главных разработчиков кадетской аграрной программы стал М. Я. Герценштейн, выдающийся специалист по финансовому праву, профессор Московского университета, которого товарищи по партии с большим трудом уговорили баллотироваться в Думу. По свидетельству писателя В. Г. Короленко, именно Герценштейну, а не своим лидерам крестьянские депутаты-трудовики доверяли отстаивать их интересы перед правительством.

Власти утверждали, что принудительное отчуждение обрушит принцип частной собственности и приведет к революции. И это говорилось в стране, где о частной собственности подавляющее большинство не имело и понятия! (Удивительно, но данный аргумент повторяют до сих пор, хотя очевидно, что именно желание власти оградить собственность помещиков толкнуло крестьян в

объятия большевиков в 1918 году.) Принудительное отчуждение земли при справедливом выкупе нарушало принцип частной собственности в меньшей степени, чем реформа Александра II, безвозмездно отнявшая у помещиков крепостных рабов, а за выкуп — значительную часть земли.

Но Николай II и силы, на которые он опирался (Совет объединенного дворянства, Союз русского народа, Союз Михаила Архангела), категорически отвергали принудительное отчуждение. Еще при Витте главноуправляющий земледелием и землеустройством Н. Н. Кутлер по указанию премьера разработал проект принудительного выкупа земли у помещиков для передачи ее крестьянам. Кончилась эта история увольнением Кутлера, а затем последовала и отставка Витте. Однако колебания почвы под ногами заставляли царя искать какие-то решения. Его внимание привлекла фигура Столыпина.

Петр Аркадьевич Столыпин родился в 1862 году в Дрездене, а вырос близ Ковно. Его пребывание на естественном факультете Петербургского университета отмечено спором на экзамене с Д. И. Менделеевым, что, впрочем, не помешало задиристому студенту получить заслуженную пятерку. Окончив учебу, Столыпин служил по Министерству земледелия и государственных имуществ, затем стал предводителем дворянства в Ковенской губернии, гродненским губернатором, а в 1903 году был переведен губернатором в Саратов, где проявил решительность и распорядительность в подавлении аграрных беспорядков.

Накопленный опыт привел Столыпина к мысли превратить основную массу крестьян в земельных собственников по примеру западных губерний. Он вряд ли был знаком с марксистскими формулами, но не меньше марксистов верил, что бытие определяет сознание. Сперва создать гражданина в виде крестьянина-собственника, тогда сама собой гражданственность привьется на Руси — такова его основная мысль.

Будучи саратовским губернатором, Столыпин в отчете за 1904 год писал: «В настоящее время более сильный крестьянин превращается обыкновенно в кулака, эксплуататора своих однообщественников... Если бы дать возможность трудолюбивому землеробу получить сначала временно, в виде искуса, а затем закрепить за ним отдельный земельный участок, вырезанный из государственных земель или из земельного фонда Крестьянского Банка, причем обеспечена была бы наличность воды и другие насущные условия культурного землепользования, то наряду с общиной, где она жизненна, появился бы самостоятельный, зажиточный поселянин, устойчивый представитель земли».

Что отличало его вариант от кадетской программы? Растянutosть во времени — процесс, по Столыпину, мог занять два-три десятилетия. По мнению кадетов, такого времени у России, находящейся на грани взрыва, уже не было. Герценштейн взывал в Думе: «Вы хотите, чтобы зарево охватило целый ряд губерний?! Мало вам разве опыта майских «иллюминаций» прошлого года (1905-го. —